П. И. МЕЛЬНИКОВ (АНДРЕЙ ПЕЧЕРСКИЙ)

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Встречи с произведениями подлинного искусства никогда не бывают скоропроходящими: все, что написано настоящим художником, приковывает наше воображение, мы удивляемся широте познаний писателя, глубине его понимания жизни.

П. И. Мельников-Печерский принадлежит к числу таких писателей. В главных его произведениях господствует своеобразный тон простодушной непосредственности, заставляющий читателя самого догадываться о том, что же он хотел сказать, заставляющий думать и переживать.

Мельниковъ П. И. (Андрей Печерский)
Полное собраніе сочиненій. Изданіе второе.
С.-Петербургъ, Издание Т-ва А.Ф.Марксъ.
Приложеніе къ журналу „Нива" на 1909 г.
Томъ седьмой, с. 376–383.

•

Аввакум Петрович, протопоп города Юрьевца-Поволжского,

расколоучитель XVII столетия, родился в селе Григорове (в нынешнем Княгининском уезде Нижегородской губернии) между 1605 и 1610 годами. Отец его был священник того села (его звали Петром), по отзыву сына, горький пьяница; мать Аввакума, по имени Марья, женщина была благочестивая. Неподалеку от Григорова есть села: Вельдеманово, где в 1605 году от мордвина Мины родился Никита, будущий патриарх Никон, и Колычево, где, около того же времени, родился у попа сын, впоследствии Павел Коломенский. Личные отношения этих людей в юном их возрасте могут объяснить отъявленную ненависть, которую питали они впоследствии один к другому. После попа Петра, Аввакум остался молод. На руках попадьи Марьи осталась огромная семья, и бедность была большая; к тому же вдову с детьми родственник их, заступивший поповское место в Григорове, выгнал из отцовского дома. Придя в возраст, Аввакум женился на Настасье Марковне, сироте, дочери обедневшего купца. Вскоре после женитьбы был он посвящен в дьяконы, а через два года (около 1640) в попы села Лопатицы (Макарьевского уезда Нижегородской губернии). Аввакум был нрава крутого и имел ревность не по разуму, что и доставляло ему немало неприятелей и неприятностей. В Лопатицах имел он такую историю: пришли к нему в село „скоморохи с медведями и с бубнами и с домрами"; Аввакум, как сам рассказывает, „по Христе ревнуя, изгнал их, а хари и бубны изломал, один на многих напал и медведей двух великих отнял — одного ушиб, но паки ожил, а другого пустил в поле". В это время боярин Василий Петрович Шереметев ехал Волгою на воеводство в Казань (1648 года); скоморохи ему, как главному начальнику края, жаловались, и он, позвав Аввакума к себе на суда, побранил его за самоуправство; а сын Шереметева, Матвей, после побранки подошел к Аввакуму под благословение. Матвей Шереметев брил бороду — Аввакум не благословил его и, в придачу, обругал. За это В. П. Шереметев велел ревностного попа бросить в Волгу. Утонуть Аввакуму не дали, но протолкали в шею на берег с ругательством. После этого Аввакум, бывавший иногда в Москве, — так как приход его принадлежал к епархии патриарха, — свел дружбу с высшими лицами тогдашнего белого духовенства, особенно с братьями Нероновыми и царским духовником Стефаном Вонифатьевым, сделался известен и патриарху Иосифу. Аввакума перевели в Юрьевец протопопом. Здесь он не ужился с воеводой. У воеводы была любовница; Аввакум отнял ее у него и отвел к ее матери; воевода не раз бил за это Аввакума и однажды искусал ему пальцы. Аввакум и в Лопатицах, и в Юрьевце, и после того занимался изгнанием бесов

из людей посредством отчитыванья и тем приобрел известность знаменитого заклинателя чертей, за что, по словам его, не раз и самому ему от чертей доставалось. Он известен был также большою начитанностью: все церковные книги тогдашнего времени он изучил и многое из них знал наизусть, читал даже библию, что было редкостью в то время. При такой начитанности прослыл он повсюду за человека ученого и сказывал проповеди в Юрьевце и в Москве, поучал крепко держаться обрядов и энергически порицал всякого рода нововведения. Проповедывал он языком народным, употребляя и слова бранные, по-нынешнему неприличные; но такой образ выражения нравился тогдашним людям. До такой степени Аввакум сделался известен своею ученостью, что, после смерти протопопа Силы, ему предлагали место настоятеля придворной церкви Спаса за Золотой Решеткой; но „аз не порадел о том", — говорит Аввакум в своей автобиографии. Вскоре патриарх Иосиф сделал его справщиком церковных книг, печатавшихся в московской типографии. Разделял он здесь труды с другом своим, Нероновым, и протопопами Никитою (Пустосвятом) Суздальским, Даниилом Костромским, Лазарем Романовским и другими. Они ввели множество ошибок в книги, напечатанные при патриархе Иосифе. Впрочем, искажение, ими сделанное, не было умышленно: справщики действовали по убеждению, признавая, по невежеству своему, совершенно лишним и даже вредным справляться с греческими подлинниками, которых, впрочем, они и не понимали. Находясь в Москве справщиком, Аввакум сделал большие связи не только в среде духовенства, но и между царедворцами; его жаловал сам царь. Когда сделался патриархом старинный знакомый Аввакума, Никон, и приступил к исправлению церковных книг, он удалил справщиков патриарха Иосифа из типографии, заменив их людьми учеными. Аввакум принужден был удалиться в Юрьевец. Павел, епископ коломенский, и Аввакум первые восстали против Никона. Они — дети попов: Павел, льстивший себя надеждою управлять церковью именем патриарха Антония, своего родственника, и лишенный этой надежды возведением Никона на патриаршество, Аввакум, славившийся своею ученостью — были обличены в невежестве Никоном, сыном простого вельдемановского мужика, мордвином, которого он знал в детстве! Аввакум в Юрьевце и в Москве, в Казанском соборе, несмотря на запрещение патриарха, служил по иосифовскому обряду и поучал народ — говорил, что Никон вводит новую веру. Вместе с Даниилом Костромским он подал, в 1655 году, челобитную царю Алексею Михайловичу, в которой утверждал, что Никон вводит обряды, противные православию, и

просил государя восстановить прежний иосифовский чин службы. Смелый фанатик, не смотревший ни на какие препятствия, имел сильное влияние на народ и даже на высший класс народа. Приверженцы его нашлись и при дворе; сама царица ему покровительствовала, и две боярыни, дочери самого приближенного к ней человека, Прокопья Федоровича Соковнина, ведавшего царицыну мастерскую палату: Федосья Прокопьевна, жена боярина Глеба Ивановича Морозова, следовательно свойственница царицы, и княгиня Авдотья Прокопьевна Урусова сделались самыми ревностными последовательницами Аввакума. Аввакум был призван на суд. Служил он всенощную в Казанском соборе; патриарший боярин, Юрий Нелединский, взял его и отвел в тюрьму в Андроньев монастырь; с ним было взято 60 приверженных к нему стрельцов. В тюрьме этой, — уверял после Аввакум своих приверженцев, — после трехдневного сиденья без пищи во мраке, среди мышей и сверчков, явился к нему ангел и накормил его щами с хлебом. На другой день повезли его на суд в крестовую патриарха; много увещевали, но Аввакум никак не хотел покориться и на вопросы отвечал ругательствами, смешивая их с текстами св. писания. Сентября 15-го 1665 г. назначено было его расстричь; но царь, помня Аввакума и снисходя на ходатайство царицы и его приверженцев из царедворцев, упросил Никона не расстригать его. Аввакума прямо из Успенского собора отправили в сибирский приказ, сдали дьяку Третьяку Башмакову, тоже раскольнику, и потом отправили с семейством на житье в Сибирь. Его довезли до Тобольска; здесь архиепископ был земляк Аввакума, Симеон, разделявший его убеждения относительно Никона и его действий. Он дал ему место при церкви, и Аввакум жил в Тобольске с год. В Тобольске, как и везде, Аввакум ссорился с разными чиновными лицами: так, заступясь за дьячка Антона, высек архиепископского дьяка Ивана Струну в церкви ремнем, как сам говорит. Произошел от того мятеж, и целый месяц Аввакум должен был прятаться, чтобы его не бросили в воду. Симеон в это время был в Москве; но когда он возвратился, Аввакум успел восстановить его против Струны, и в неделю православия они оба возгласили ему анафему за потворство кровосмешению. Произошло в соборе смятение, за что архиепископ Симеон с рождества 1657 г. до рождества 1658 г. был под запрещением, а Аввакума отправили дальше в Сибирь. В это время енисейскому воеводе, Афанасью Пашкову, велено было идти в новую Даурскую землю с ратными людьми и приискать в этой земле пашенных мест со всякими угодьями и в таких местах ставить новые остроги. Аввакума прикомандировали к даурской экспедиции в сане священника. Экспедиция ходила на реку

Нерчу, поставила остроги Нерчинск, Албазин, Иркутск, Балаганск и др. Аввакум был везде с Пашковым и, между прочим, служил молебен на р. Амуре при основании Албазина. По беспокойному его характеру у него были беспрестанные ссоры и с Пашковым, и с его сыном, и со всеми участниками экспедиции. Описание его путешествия за Байкалом, помещенное в его автобиографии, заслуживает внимания. Между тем Никон, потеряв всякое значение при дворе, поссорясь с царем, жил в своем Новом-Иерусалиме, и Аввакума, на которого доселе смотрели только как на личного врага Никона, возвратили в Москву (в 1664 г.). Здесь он был „поставлен к руке", то есть представлен государю. Царь обошелся с ним ласково. „Здорово ли, протопоп. живешь? — спросил он: — вот еще Бог привел свидеться", и много беседовал о Сибири, и приказал дать ему помещение в Кремле на подворье Новодевичьего монастыря. Аввакуму предложено было любое место во всей Москве, и даже была речь, чтобы сделать его царским духовником. Но вскоре увидели, что Аввакум противник не Никона, а господствующей церкви. Не видя Никона на Москве, но видя в церквах богослужение по его обряду, Аввакум начал свою фанатическую проповедь против „новшеств", укоряя и ругая архиереев, московское духовенство и все обряды. Много явилось ему последователей не только в простом народе, но и в высших классах общества. Для них он писал проповеди, хуля исправления символа веры, трехперстное сложение, партесное пение и проч., и наконец объявил, что не следует принимать таинства от тех священников, которые служат по новоисправленным обрядам. Сочинения Аввакума распространялись в народе и многих соблазняли; пастыри церкви жаловались на него царю, и царь, все еще уважавший Аввакума, ограничился тем, что послал к нему Григорья Стрешнева с советом молчать и не распространять проповедей в народе. Аввакум сначала было послушался, но ненадолго: вскоре он еще сильнее прежнего начал восставать на архиереев и послал царю новую челобитную, в которой просил совершенно тогда еще невозможного низложения Никона и восстановления иосифовских обрядов. Государь разгневался, и бывшие в Москве архиереи представили ему, что Аввакум не простой враг Никона, но расколоучитель, которого необходимо удалить из столицы. Царь Алексей Михайлович все еще любил Аввакума и ограничился новым выговором за то, что он отбивает народ от церкви. Тогда Аввакум возмечтал о своей силе и еще с большим против прежнего фанатизмом стал продолжать свою проповедь. Нередко бывал он в доме известного окольничего Ртищева и у него вступал в споры с православными учеными людьми. Тогда решено было отправить его в новую ссылку, на

Мезень, куда через год по возвращении из Сибири и отправили его с семейством. Сан протопопа остался однако за ним, но служить ему было запрещено. В Мезени он продолжал устно и письменно распространять свое учение, — посылая грамотки в Москву, Боровск и другие места к своим приверженцам, и наконец начал писать окружные послания, именуя себя „рабом и посланником Иисуса Христа", „страдальцем, юзником за веру", „протосингелом россійскія церкви". Так прошел 1665 г. Между тем в Москве собрался собор для суда над Никоном и для устройства церковных дел. Главных расколоучителей для соборного убеждения стали свозить в Москву; привезли и Аввакума (февраль 1666 г.). Здесь стал было его увещевать Павел, митрополит крутицкий, заклятый враг Аввакума и человек крутого нрава. Увещание кончилось обоюдным ругательством и едва не дошло до драки. Аввакума увезли в Боровск и заключили в Пафнутьевском монастыре под начал. Присылали и сюда увещателей: ярославского дьякона Козьму и дьяка патриаршего приказа; но Аввакум так говорит об этом в своей автобиографии: „То же да то же говорят — долго ли тебе нас мучить? соединись с нами, а я отрицаюсь, что от бесов, а они в глаза пуще лезут, и сказку им тут написал с большою укоризною и бранью. А Козьма тот не знаю какого духа человек — въяве меня уговаривает, а втайне подкрепляет еще, говоря: протопоп, не отступай ты от старого благочестия; велик у Христа человек будешь, как дотерпишь до конца". Через два с половиной месяца Аввакума наскоро взяли к Москве. Это было в начале мая. В патриаршую крестовую палату, где собрался собор русских архиереев, под председательством Питирима, митрополита новгородского, первого привели Александра, епископа вятского; но он раскаялся в своем заблуждении и тотчас же занял место на соборе. Затем привели Аввакума. Он, как сказано в 4 деянии собора, „стязан быша и не покорися клеветник и мятежник, паче же злобе злобу прилагая, укори в лицо весь освященный собор, вся неправославными нарицая; тем же правильно осудися иерейства лишен быти и онафеме предатися". Его расстригли и прокляли, вместе с Федором дьяконом, в Успенском соборе, за обедней 13 мая 1666 г. Когда протодьякон возгласил им анафему, Аввакум, а за ним и Федор возгласили анафему архиереям. И было смятение в церкви, и в то же время было „великое нестроение вверху", то есть во дворце: царь Алексей Михайлович поссорился с царицей Марьей, которая стояла за Аввакума, уехал в Преображенское, где и пробыл целую неделю. Многие бояре были тоже на стороне Аввакума, особенно князь Воротынский и князь Иван Андреевич Хованский, содержавший Аввакума на свой счет и известный

впоследствии по стрелецкому бунту. Хованского в это время, за излишнюю приверженность к раскольникам, наказали батогами. Расстриженный Аввакум был посажен на патриарший двор, потом отвезен в Угрешский монастырь не дорогой, но, чтобы люди не видали, болотами. Здесь сидел он в тюрьме более четырех месяцев, затем опять был переведен в боровский Пафнутьев монастырь, где сидел в тюрьме без малого год и распространял раскол между монашествующими. Наконец повезли его в Москву для новых увещаний пред лицом восточных патриархов александрийского и антиохийского в Чудове монастыре. Увещания происходили через переводчика, архимандрита Дионисия, так как патриархи по-русски не разумели. Они говорили Аввакуму, что все православные на Востоке содержат те самые обряды, которые и в Москве соблюдаются, — один он стоит в своем упорстве. „У вас православие пестро от насилия турецкого, — отвечал непреклонный Аввакум: — и дивить на вас нельзя, что немощны стали. Приезжайте и вперед к нам учиться". Патриархи, не понимая Аввакума, задумались, а русские архиереи стали горячо упрекать его в дерзости. Его стали бить; Иван Уваров потащил было его вон из палаты, но Аввакум закричал: „Постой, не бейте! Говори, Дионисий, патриархам: как вы, прибивши человека, станете обедню-то служить?" Архиереи сели, а Аввакум лег у дверей, говоря: „вы посидите, а я полежу". Все засмеялись; русские говорили: „дурак Аввакум и патриархов не почитает". — „Мы юроди Христа ради", — отвечал он. Тем увещанье и кончилось. И записано в деянии соборном: „паки увещен бе ко обращению, но тщетен труд и ждание бяше тем же градским судом на заточение послан в острог Пустозерский". Сообщников его в это время казнили; казнь грозила и Аввакуму; но, по ходатайству царицы, она была заменена ссылкою в Пустозерск. Ему даже не вырезали языка, как Лазарю и Епифанию, с которыми он и Никифор, протопоп симбирский, был сослан в Пустозерск. Но в застенке московском он получил 70 ударов кнутом. В конце 1667 г. Аввакум с женой был привезен в Пустозерск и посажен в земляную тюрьму, так же, как и Лазарь, Епифаний и Никифор. Но и сидя в этой тюрьме он продолжал так же, как начал, — писал письма в Москву и в другие места, писал даже послание к царю. Четырнадцать лет просидел он в Пустозерске. Наконец дерзкое письмо его к царю Федору Алексеевичу решило участь Аввакума и его товарищей. Письмо это он начинает скромно и смиренно: „Благого и преблагого и всеблагого Бога нашего благодатному устроению блаженному, и преблаженному и всеблаженному государю нашему, свету светику, русскому царю и великому князю Феодору Алексеевичу

— не смею нарещися богомолец твой, но яко некий изверг и непричастен, ногам твоим издалека вопию, яко мытарь: милостив буди, Господи! Подстилаю главу и весь орган тела моего со гласом: милостив буди мне, Господи!" Но потом, когда начинает говорить о патриархах и архиереях, забывает тон письма, много напоминающего известное послание Даниила Заточника, и так говорит: „А что, государь царь? Как бы ты мне дал волю, я бы их, что Илья пророк, всех перепластал в один день, не осквернил бы тем рук, а освятил бы, чаю". И затем, понося память царя Алексея Михайловича, ругая патриарха Иоакима, называет себя протопопом, хотя уже и был лишен этого сана, и посылает царю благословение. В других письмах из Пустозерска, особенно к какому-то Симеону, он еще более дозволял себе. Патриарх Иоаким стал настоятельно требовать казни расколоучителей, из далекого Пустозерска поддерживавших и распространявших раскол повсюду. Было повелено: „за великия на царский дом хулы сожечь их". Это было исполнено в Пустозерске 1-го апреля 1681 г. На площади построили сруб из дров, на котором сгорели Аввакум, Лазарь, Епифаний и Никифор. Аввакум предвидел казнь и заблаговременно распорядился имуществом и роздал книги. На казнь собрался народ и снял шапки… Дрова подожгли — замолчали все; Аввакум народу говорить начал и крест сложил двуперстный: „вот будете этим крестом молиться — вовек не погибнете, а оставите его — городок ваш погибнет, песком занесет; а погибнет городок, настанет и свету конец!.." Огонь охватил казнимых, и один из них закричал; Аввакум наклонился к нему и стал увещевать… Так и сгорели. В Пустозерске за лесом есть площадка; там крест стоит и зовется Аввакумовым. Раскольники считают Аввакума мучеником и имеют иконы его. Судя по этим иконам, Аввакум был высокого роста, широк в плечах, с длинной седой бородой, кудрявыми седыми волосами, имел большие глаза, прямой, тонкий нос, лицо сухощавое. Лазаря и Епифания раскольники признают также святыми, но Никифора не признают за то, что он на костре закричал и просил пощады, соглашаясь на все. Местное предание в Пустозерске прибавляет, что только одного (Никифора) кости нашли в пепле, и что три, а не четыре голубя вились над горевшим костром в поднебесье. Никифора нет и в „Российском Винограде", соч. князем Андреем Денисовичем Мышецким. Сочинения Аввакума (в рукописи) следующие:

При каждом из сочинений обозначены начальныя слова для того, что в рукописях эти сочинения различаются между собою. Начальные слова заимствованы из трех экземпляров XVII века,

находящихся у автора статьи.

1. Послание из Пустозерска, начинается: „Моя братия возлюбленная".

2. Беседа о наятых делателях; нач.: „Благослови владыка благовестити".

3. Об Ионе, казначее казанском; нач.: „В 166 году послан быть в Казань".

4. Послание к Феодоре Морозовой, княгине Евдокии Урусовой и Марье Даниловой; нач.: „Протопоп Аввакум раб и посланник".

5. Второе послание к ним же; нач.: „Не обленюся и еще припомянуть". В некоторых списках эти два послания соединены в одно.

6. Ответ о крещающих младенцы; нач.: „По старому служебнику и новопоставленный поп".

7. Послание из Пустозерска; нач.: „"Борисушка, Бог тебя простил".

8. Послание из Пустозерска (на крестоборную ересь); нач.: „Беседа человека грешна"; называется также посланием из рва львиного.

9. Бытие о московском падении; нач.: „Быть в лета наши".

10. Второе бытие о московском падении; нач.: „Паки и паки и еще к вам побеседую". В некоторых списках два бытия соединены в одно.

11. Ответ о причастии; нач.: „Есть в правилех".

12. На римскую и никонианскую ересь; нач.: „Альманашники и звездочетцы".

13.0 Мельхиседеце; нач.: „Сей Мельхиседек".

14. Книга старице Мелании с сестрами и подначальною Анисьею; нач.: „Благого и преблагого".

15, Письма царю Феодору Алексеевичу из Пустозерска; нач.: „Благого и преблагого и всеблагого".

16. Книга инокине Феодоре, а по-мирски боярыне Феодосии Морозовой с сестрами; нач.: „Херувимам подобещеся".

17. О прелюбодеях; нач.: „Слышал ли еси милосердие Божие".

18. Первое послание из Пустозерска к Симеону; нач.: „Чадо Симеоне, на горе я родился".

19. Второе послание к нему же; нач.: „Слышал ли еси".

20. Третье послание к нему же; нач.: „Чадо

Богоприимче".

21. Четвертое послание к нему же; нач.: „Ну, Семенушка, вот тебе вести".

22. Поучение; нач.: „Апостол яже еста иносказаема сия".

23. Поучение; нач.: „Премудрость, к римлянам послание".

24. Повесть, писана в духовном цветнике; нач.: „Некий священник".

25. Поучение; нач.: „Премудрость прости услышим".

26. Снискание и собрание о божестве и о твари; нач.: „Рече Господь".

27. Послание к Стефану Вонифатьеву, царскому духовнику; нач.: „Юзник темничный".

28. Послание к рабам Христовым; нач.: „Вопрос твой, чадо".

29. Второе послание к рабам Христовым; нач.: „Возлюбленнии, молю вы".

30. Автобиография, написанная в Пустозерске по убеждению Епифания; нач.: „Святый Дионисий Ареопагит".

31. Похвала о церкви (дополнение к автобиографии); нач.: „По сем у всякого православного прощенья прошу".

В некоторых списках соединено с автобиографией. Что касается до посланий его к дьякону Феодору, в которых Аввакум, по словам „Розыска", нелепо говорил о св. Троице, о сошествии Христа во ад и пр., этих посланий нет. Князь Мышецкий в „Российском Винограде" решительно говорит, что это выдумка авторов книг „Розыска" и „Пращицы". Впрочем, Аввакум в „Книге инокине Феодоре" говорит: „Молодой щенок Феодор дьякон, сын духовный мне, учал блудить над старыми книгами и о святой Троице преткнулся и о Христове во ад сошествии и оных догматствуя по-никониански, нелепостно — ***в книге моей написано и послано к вам о Господе***".